

Чарльз
ДИККЕНС
(1812-1870)

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Чарльз
ДИККЕНС

*Посмертные записки
Пиквикского клуба*

Роман

Москва

2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д45

Перевод с английского *А. Кривцовой, Е. Ланна*

Серия «Зарубежная классика»

Оформление *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы фрагменты работы художников *Чарльза Ханта* и *Роберта Уильяма Басса*

Серия «Книги-легенды»

Оформление *В. Щербакова*

В оформлении переплета использованы иллюстрации английских художников *Harold Copping (1863-1932)*, *Augustus Jules Bouvier (1825-1881)*, *Walter Dendy Sadler (1854-1923)*, *Charles Edmund Brock (1870-1938)*

Диккенс, Чарльз.

Д45 Посмертные записки Пиквикского клуба : роман / Чарльз Диккенс ; [пер. с англ. А. Кривцовой, Е. Ланна] — Москва : Издательство «Э», 2016. — 736 с.

ISBN 978-5-699-88367-7 (КЛ)

ISBN 978-5-699-88459-9 (ЗК)

Роман о клубе чудаков, которые путешествуют по Англии и наблюдают человеческие характеры, с мистером Пиквиком во главе — любимая книга многих поколений читателей. Публикация романа вызвала необыкновенный фурор, появилась «пиквикская» мода — шляпы, трости и сигары, люди и даже домашние собачки с кошками получали прозвища по именам героев. Англия XIX века в юмористических зарисовках: выборы, военные маневры, суды, курорты, долговая тюрьма и даже сумасшедший дом — в классике мировой литературы.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-88367-7
ISBN 978-5-699-88459-9

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ГЛАВА I

Пиквикисты

Первый луч, озаряющий мрак и заливающий ослепительным светом тьму, коей окутано было начало общественной деятельности бессмертного Пиквика, воссиял при изучении нижеследующей записи в протоколах Пиквикского клуба, которую издатель настоящих записок предлагает читателю с величайшим удовольствием как свидетельство исключительного внимания, неумолимой усидчивости и похвальной пронизательности, проявленных им при исследовании многочисленных вверенных ему документов:

«Мая 12, года 1827. Председательствующий Джозеф Смиггерс, эсквайр*, В. П. Ч. П. К.¹ В нижеследующем постановлении единогласно принято:

что названная ассоциация заслушала с чувством глубокого удовлетворения и безусловного одобрения сообщение Сэмюэла Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К.² озаглавленное: «Размышления об истоках Хемстедских прудов с присовокуплением некоторых наблюдений по вопросу о Теории Колюшки»; за что названная ассоциация выражает живейшую благодарность означенному Сэмюэлу Пиквику, эсквайру, П. Ч. П. К.;

что названная ассоциация, отдавая себе полный отчет в пользе, каковая должна воспоследовать для науки от заслушанного труда, — не меньшей, чем от неумолимых изысканий Сэмюэла Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., в Хорнси, Хайгете, Брикстоне и Кемберуэле**, — не может не выразить глубокой уверенности в неоценимости благ, которые последуют, буде этот ученый муж для прогресса науки и в просветительных целях перенесет свои исследования в области более широкие,

¹ Вице-президент, член Пиквикского клуба.

² Президент, член Пиквикского клуба.

раздвинет границы своих путешествий и, следовательно, расширит сферу своих наблюдений;

что, исходя из этого, названная ассоциация всесторонне обсудила предложение вышеупомянутого Сэмюэла Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., и трех других пиквикистов, поименованных ниже, об организации в составе Объединенных пиквикистов нового отдела под названием Корреспондентское общество Пиквикского клуба;

что указанное предложение принято и одобрено названной ассоциацией, что Корреспондентское общество Пиквикского клуба сим учреждается, что вышеупомянутый Сэмюэл Пиквик, эсквайр, П. Ч. П. К., Треси Тапмен, эсквайр, Ч. П. К., Огастес Снодграсс, эсквайр, Ч. П. К., и Натэниел Уинкль, эсквайр, Ч. П. К., сим назначаются и утверждаются членами означенного общества и что на них возлагается обязанность препровождать время от времени в Пиквикский клуб в Лондоне достоверные отчеты о своих путешествиях, изысканиях, наблюдениях над людьми и нравами и обо всех своих приключениях, совокупно со всеми рассказами и записями, повод к коим могут дать картины местной жизни или пробужденные ими мысли;

что названная ассоциация с искренней признательностью приветствует устанавливаемый для каждого члена Корреспондентского общества принцип — оплачивать собственные путевые издержки и не усматривает препятствий к тому, чтобы члены указанного общества продолжали свои изыскания, сколь бы они ни были продолжительны, на тех же условиях;

что до сведения членов вышеуказанного Корреспондентского общества должно быть доведено и сим доводится, что их предложение оплачивать посылку писем и доставку посылок было обсуждено ассоциацией; что означенная ассоциация считает такое предложение достойным великих умов, его породивших, и сим выражает свое полное согласие».

Посторонний наблюдатель, добавляет секретарь, чьим заметкам мы обязаны нижеследующими сведениями, посторонний наблюдатель не нашел бы ничего особо примечательного в плешивой голове и круглых очках, обращенных прямо к лицу секретаря во время чтения приведенных выше резолюций, но для тех, кто знал, что под этим черепом работает гигантский мозг Пиквика, а за этими стеклами сверкают лучезарные глаза Пиквика, зрелище представлялось поистине захватывающим. Восседал муж, проникший до самых истоков величественных Хемстедских прудов, ошеломивший весь ученый мир своей Теорией Колюшки, — восседал спокойный и недвижимый, как глубокие воды этих прудов в морозный день или как одинокий пред-

ставитель этого рода рыб на самом дне глиняного кувшина. А сколь захватывающим стало зрелище, когда знаменитый муж, вдруг преисполнившись жизни и воодушевления, лишь только единодушный призыв: «Пиквик!» — исторгся из груди его последователей, медленно взобрался на виндзорское кресло, в котором перед тем восседал, и обратился к членам им же основанного клуба! Какой сюжет для художника являет Пиквик, одна рука коего грациозно заложена под фалды фрака, другая размахивает в воздухе в такт пламенной речи; занятая им возвышенная позиция, позволяющая лицезреть туго натянутые панталоны и гетры, которые — облекая они человека заурядного — не заслуживали бы внимания, но когда в них облекся Пиквик, вдохновляли, если можно так выразиться, на невольное благоговение и почтение: Пиквик в кругу мужей, которые добровольно согласились делить с ним опасности его путешествий и коим предназначено разделить славу его открытий. По правую от него руку сидит мистер Треси Тапмен, слишком впечатлительный Тапмен, сочетавший с мудростью и опытностью зрелых лет юношеский энтузиазм и горячность в самой увлекательной и наиболее простительной человеческой слабости — в любви. Время и аппетит увеличили объем этой некогда романтической фигуры; размеры черного шелкового жилета становились более и более внушительными; дюйм за дюймом золотая цепь от часов исчезала из поля зрения Тапмена; массивный подбородок мало-помалу переползал через край белоснежного галстука, но душа Тапмена не ведала перемены: преклонение перед прекрасным полом оставалось его преобладающей страстью. По левую руку от своего великого вождя сидит поэтический Снодграсс, а рядом с ним — спортсмен Уинкль; первый поэтически закутан в таинственный синий плащ с собачьей опушкой, второй придает своей персоне невиданный блеск новой зеленой охотничьей куртке, клетчатому галстуку и светло-серым панталонам в обтяжку.

Торжественная речь мистера Пиквика по данному поводу, равно как и дебаты, вошла в протоколы клуба. И то и другое обнаруживает сильное сходство с дискуссиями других прославленных корпораций; а, так как всегда интересно провести параллель между деятельностью великих людей, мы переносим протокольную запись на эти страницы.

«Мистер Пиквик заметил (говорит секретарь), что слава любезна сердцу каждого. Слава поэта любезна сердцу его друга Снодграсса; слава победителя в равной мере любезна его другу Тапмену, а жажда добиться славы во всех видах спорта на суше, на море и в воздухе обуравает его друга Уинкля. Он (мистер Пиквик) не может отрицать, что беззащитен перед человеческими страстями, человеческими чувства-

ми (одобрение), быть может, и человеческими слабостями (громкие крики: «Нет!»); но вот что он хочет сказать: если когда-нибудь и вспыхивал в его груди огонь тщеславия — жажда принести пользу роду человеческому брала верх, и этот огонь угасал. Похвала людей для него — угроза поджога*, любовь к человечеству — страхование от огня. (Бурные рукоплескания.) Да, он испытал некую гордость — открыто признает это, и пусть этим воспользуются его враги, — он испытал некую гордость, даруя миру свою Теорию Коллушки, стяжала она ему славу или не стяжала. (Возглас: «Стяжала!» Шумное одобрение.) Да, он готов согласиться с почтенным пиквикистом, чей голос он только что слышал: она стяжала славу; но, если славе этого трактата суждено было проникнуть в самые дальние углы земного шара, его авторская гордость не может сравниться с той гордостью, с какою он взирает вокруг себя в сей знаменательный момент своей жизни. (Рукоплескания.) Он — человек незначительный. («Нет! Нет!») Все же он не может не чувствовать, что избран сочленами на дело почетное, хотя и сопряженное с некоторыми опасностями. Путешествия протекают очень беспокойно, и умы кучеров неуравновешенны. Пусть джентльмены бросят взгляд в дальние края и присмотрятся к тому, что совершается вокруг них. Повсюду пассажирские кареты**опрокидываются, лошади пугаются и несут, паровые котлы взрываются, суда тонут. (Рукоплескания, голос: «Нет!») Нет?.. (Аплодисменты.) Пусть почтенный пиквикист, произнесший так громко «нет», выступит и попробует это отрицать. (Возгласы одобрения.) Кто произнес «нет»? (Овации.) Какой-нибудь тщеславный и оскорбленный в своем самолюбии человек... чтобы не сказать — галантерейщик (овации), завидующий тем похвалам, каких удостоились — пусть незаслуженно — его (мистера Пиквика) ученые исследования, и уязвленный порицаниями, коими встречены были жалкие его попытки соперничества, прибегает к этому презренному и клеветническому способу...

Мистер Блоттон (из Олдгета) говорит к порядку заседания. Не на него ли намекает почтенный пиквикист? («К порядку!», «Председатель!», «Да!», «Нет!», «Продолжайте!», «Довольно!», «Довольно!»)

Мистер Пиквик не дает смутить себя криками. Он намекал именно на почтенного джентльмена. (Сильное возбуждение.)

Мистер Блоттон хочет только отметить, что он с глубоким презрением отвергает непристойное и лживое обвинение почтенного джентльмена. (Громкое одобрение.) Почтенный джентльмен — хвостун! (Полное смятение, громкие крики: «Председатель!», «К порядку!»)

Мистер Снодграсс говорит к порядку заседания. Он обращается к председателю. («Слушайте!») Он хочет знать, неужели не положат конец недостойной распре между членами клуба? («Правильно!»)

Председатель вполне уверен, что почтенный пиквикист возьмет назад свое выражение.

Мистер Блоттон заверяет, что, при всем уважении к председателю, не возьмет своего выражения назад.

Председатель считает своим непреложным долгом спросить почтенного джентльмена, надлежит ли понимать выражение, которое у него сорвалось, в общепринятом смысле.

Мистер Блоттон, не колеблясь, отвечает отрицательно — он употребил выражение в пиквикистском смысле. («Правильно! Правильно!») Он вынужден заявить, что персонально он питает глубочайшее уважение к почтенному джентльмену и считает его хвастуном исключительно с пиквикистской точки зрения. («Правильно! Правильно!»)

Мистер Пиквик считает себя вполне удовлетворенным этим искренним, благородным и исчерпывающим объяснением своего почтенного друга. Он просит принять во внимание, что его собственные замечания надлежит толковать только в пиквикистском смысле. (Рукоплескания.)»

На этом протокол заканчивается, как заканчиваются, мы не сомневаемся, и дебаты, раз они завершились столь удовлетворительно и вразумительно.

Официального изложения фактов, предлагаемых вниманию читателя в следующей главе, у нас нет, но они тщательно проверены на основании писем и других рукописных свидетельств, подлинность которых настолько не подлежит сомнению, что оправдывает изложение их в повествовательной форме.

ГЛАВА II

Первый день путешествия и приключения первого вечера с вытекающими из них последствиями

Солнце — этот исполнительный слуга — едва только взошло и озарило утро тринадцатого мая тысяча восемьсот двадцать седьмого года, когда мистер Сэмюэл Пиквик наподобие другого солнца воспрянул от сна, открыл окно в комнате и воззрился на мир, распростертый внизу. Госуэлл-стрит лежала у ног его, Госуэлл-стрит протянулась направо, теряясь вдали, Госуэлл-стрит простиралась налево, и противоположная сторона Госуэлл-стрит была перед ним.

«Таковы, — размышлял мистер Пиквик, — и узкие горизонты мыслителей, которые довольствуются изучением того, что находится перед ними, и не заботятся о том, чтобы проникнуть в глубь вещей к скрытой

там истине. Могли я удовольствоваться вечным созерцанием Госуэлл-стрит и не приложить усилий к тому, чтобы проникнуть в неведомые для меня области, которые ее со всех сторон окружают?» И мистер Пиквик, развив эту прекрасную мысль, начал втискивать самого себя в платье и свои вещи в чемодан. Великие люди редко обращают большое внимание на свой туалет. С бритьем, одеванием и кофе покончено было быстро; не прошло и часа, как мистер Пиквик с чемоданом в руке, с подозрительной трубкой в кармане пальто и записной книжкой в жилетном кармане, готовый принять на свои страницы любое открытие, достойное внимания, — прибыл на стоянку карет Сент-Мартенс-Ле-Гранд.

— Кеб! — окликнул мистер Пиквик.

— Пожалуйте, сэръ! — заорал странный образчик человеческой породы, облаченный в холщовую блузу и такой же передник, с медной бляхой и номером на шее, словно был занумерован в какой-то колледжии диковинок. Это был уотермен*.

— Пожалуйте, сэръ! Эй, чья там очередь?

«Очередной» кебмен был извлечен из трактира, где он курил свою очередную трубку, и мистер Пиквик со своим чемоданом ввалился в экипаж.

— «Золотой Крест», — приказал мистер Пиквик.

— Дел-то всего на один боб**, Томми, — хмуро сообщил кебмен своему другу уотермену, когда кеб тронулся.

— Сколько лет лошадке, приятель? — полюбопытствовал мистер Пиквик, потирая нос приготовленным для расплаты шиллингом.

— Сорок два, — ответил возница, искоса поглядывая на него.

— Что? — вырвалось у мистера Пиквика, схватившего свою записную книжку.

Кебмен повторил. Мистер Пиквик испытующе воззрелся на него, но черты лица возницы были недвижны, и он немедленно занес сообщенный ему факт в записную книжку.

— А сколько времени она ходит без отдыха в упряжке? — спросил мистер Пиквик в поисках дальнейших сведений.

— Две-три недели, — был ответ.

— Недели?! — удивился мистер Пиквик и снова вытащил записную книжку.

— Она стоит в Пентонвиле***, — заметил равнодушно возница, — но мы редко держим ее в конюшне, уж очень она слаба.

— Очень слаба! — повторил сбитый с толку мистер Пиквик.

— Как ее распряжешь, она и валится на землю, а в тесной упряжи, да когда вожжи туго натянуты, она и не может так просто свалиться; да пару отменных больших колес приладили; как тронется, они катятся на нее сзади; и она должна бежать, ничего не поделаешь!

Мистер Пиквик занес каждое слово этого рассказа в свою записную книжку, имея в виду сделать сообщение в клубе об исключительном примере выносливости лошади в очень тяжелых жизненных условиях.

Едва успел он сделать запись, как они подъехали к «Золотому Кресту».

Возница соскочил, и мистер Пиквик вышел из кеба. Мистер Тапмен, мистер Снодграсс и мистер Уинкль, нетерпеливо ожидавшие прибытия своего славного вождя, подошли его приветствовать.

— Получите, — протянул мистер Пиквик шиллинг вознице.

Каково же было удивление ученого мужа, когда этот загадочный субъект швырнул монету на мостовую и в образных выражениях высказал пожелание доставить себе удовольствие — рассчитаться с ним (мистером Пиквиком).

— Вы с ума сошли, — сказал мистер Снодграсс.

— Или пьяны, — сказал мистер Уинкль.

— Вернее, и то и другое, — сказал мистер Тапмен.

— А ну, выходи! — сказал кебмен и, как машина, завертел перед собой кулаками. — Выходи... все четверо на одного.

— Ну, и потеха! За дело, Сэм! — поощрительно закричали несколько наемных кучеров и, бурно веселясь, обступили компанию.

— Что за шум, Сэм? — любопытствовал джентльмен в черных коленкорových нарукавниках.

— Шум! — повторил кебмен. — А зачем понадобился ему мой номер?

— Да ваш номер мне совсем не нужен! — отозвался удивленный мистер Пиквик.

— А зачем вы его занесли? — не отставал кебмен.

— Я никуда его не заносил! — возмутился мистер Пиквик.

— Подумайте только, — апеллировал возница к толпе, — в твой кеб залезает шпион и заносит не только твой номер, но и все, что ты говоришь, в придачу. — Мистера Пиквика осенило: записная книжка.

— Да ну! — воскликнул какой-то другой кебмен.

— Верно говорю! — подтвердил первый. — А потом распалил меня так, что я в драку полез, а он и призвал трех свидетелей, чтобы меня поддеть. Полгода просижу, а проучу его! Выходи!

И кебмен швырнул шляпу на землю, обнаруживая полное пренебрежение к личной собственности, сбил с мистера Пиквика очки и, продолжая атаку, нанес первый удар в нос мистеру Пиквику, второй — в грудь мистеру Пиквику, третий — в глаз мистеру Снодграссу, четвертый, разнообразия ради, — в жилет мистеру Тапмену, затем прыгнул сперва на мостовую, потом назад, на тротуар, и в заключение вышиб весь временный запас дыхания из мистера Уинкля — все это в течение нескольких секунд.

— Где полисмен?! — закричал мистер Снодграсс.

— Под насос их! — посоветовал торговец горячими пирожками.
— Вы оплатите за это! — задыхался мистер Пиквик.
— Шпионы*! — орала толпа.
— А ну, выходи! — кричал кебмен, все время не переставая вертеть перед собой кулаками.

До этого момента толпа оставалась пассивным зрителем, но когда пронеслось, что пиквикисты — шпионы, в толпе начали с заметным оживлением обсуждать вопрос, не осуществить ли им в самом деле предложение разгоряченного пирожника, и трудно сказать, на каком насилии над личностью решили бы остановиться, если бы скандал не был прерван неожиданным вмешательством нового лица.

— Что за потеха? — спросил довольно высокий худощавый молодой человек в зеленом фраке, вынырнувший внезапно из каретного двора гостиницы.

— Шпионы! — снова заревела толпа.

— Мы не шпионы! — завопил мистер Пиквик таким голосом, что человек беспристрастный не мог бы усомниться в его искренности.

— Так, значит, не шпионы? Нет? — обратился молодой человек к мистеру Пиквику, уверенным движением локтей раздвигая физиономии собравшихся, чтобы проложить себе дорогу сквозь толпу.

Ученый муж торопливо изъяснил истинное положение вещей.

— Идемте! — проговорил зеленый фрак, силою увлекая за собой мистера Пиквика и не переставая болтать. — Номер девятьсот двадцать четвертый, возьмите деньги, убирайтесь — почтенный джентльмен — хорошо его знаю — без глупостей — сюда, сэр — а где ваши друзья? — сплошное недоразумение — не придавайте значения — с каждым может случиться — в самых благоустроенных семействах — не падайте духом — не повезло — засадить его — пусть попробует — узнает, чем пахнет — ну и каналы!

И, продолжая нанизывать подобного рода бессвязные фразы, извергаемые с чрезвычайной стремительностью, незнакомец прошел в зал для пассажиров, куда непосредственно за ним последовал мистер Пиквик со своими учениками.

— Лакей! — заорал незнакомец, неистово потрясая колокольчиком. — Стаканы — грог** горячий, крепкий, сладкий, на всех — глаз подбит, сэр? — лакей! — сырой говядины джентльмену на глаз — сырая говядина — лучшее средство от синяков, сэр, — холодный фонарный столб — очень хорошо — но фонарный столб неудобно — чертовски глупо стоять полчаса на улице, приложив глаз к фонарному столбу — ха-ха! — не так ли? — отлично!

И незнакомец, не переводя дыхания, одним глотком опорожнил полпинты грога и бросился в кресло с такой непринужденностью, как будто ничего необычного не произошло.

Пока трое его спутников осыпали изъявлениями благодарности своего нового знакомого, у мистера Пиквика было достаточно времени рассмотреть его внешность и костюм.

Он был не выше среднего роста, но благодаря худобе и длинным ногам казался значительно выше. В эпоху «ласточкиных хвостов» его зеленый фрак был щегольским одеянием, но, по-видимому, и в те времена облекал джентльмена куда более низкорослого, ибо сейчас грязные и выцветшие рукава едва доходили незнакомцу до запястья. Фрак был застегнут на все пуговицы до самого подбородка, грозя неминуемо лопнуть на спине; шею незнакомца прикрывал старомодный галстук, на воротничок рубашки не было и намека. Его короткие черные панталоны со штрипками были усеяны теми лоснящимися пятнами, которые свидетельствовали о продолжительной службе, и были туго натянуты на залатанные и перелатанные башмаки, дабы скрыть грязные белые чулки, которые тем не менее оставались на виду. Из-под его измятой шляпы с обеих сторон выбивались прядями длинные черные волосы, а между обшлагами фрака и перчатками виднелись голые руки. Худое лицо его казалось изможденным, но от всей его фигуры веяло полнейшей самоуверенностью и неописуемым нахальством.

Таков был субъект, на которого мистер Пиквик взирал сквозь очки (к счастью, он их нашел); и когда друзья мистера Пиквика исчерпали запас признательности, мистер Пиквик в самых изысканных выражениях поблагодарил его за только что оказанную помощь.

— Пустяки! — сразу прервал его незнакомец. — Не о чем говорить — ни слова больше — молодчина этот кебмен — здорово работал пятерней — но будь я вашим приятелем в зеленой куртке — черт возьми — свернул бы ему шею — ей-богу — в одно мгновение — да и пирожнику вдобавок — зря не хвалюсь.

Этот набор слов прерван был появлением рочестерского кучера, объявившего, что комодор* сейчас отойдет.

— Комодор? — воскликнул незнакомец, вскакивая с места. — Моя карета — место заказано — наружное — можете заплатить за грог — нужно менять пять фунтов — серебро фальшивое — брамеджемские пуговицы** — не таковский — не пройдет.

И он лукаво покачал головой.

Случилось так, что мистер Пиквик и его спутники решили сделать в Рочестере*** первую остановку; сообщив новоявленному знакомому, что они едут в тот же город, они заняли наружные задние места, чтобы сидеть всем вместе.

— Наверху вместе с вами, — проговорил незнакомец, подсаживая мистера Пиквика на крышу со стремительностью, которая грозила нанести весьма существенный ущерб степенности этого джентльмена.

— Багаж, сэ? — спросил кучер.

— Чей? Мой? Со мною вот пакет в оберточной бумаге, и только — остальной багаж идет водой — ящики заколоченные — величиной с дом — тяжелые, чертовски тяжелые! — отвечал незнакомец, стараясь засунуть в карман пакет в оберточной бумаге, внушавший подозрение, что содержимым его были рубашка и носовой платок. — Головы, головы! Берегите головы! — кричал болтливый незнакомец, когда они проезжали под низкой аркой, которая в те дни служила въездом в каретный двор гостиницы. — Ужасное место — страшная опасность — недавно — пятеро детей — мать — женщина высокая, ест сандвич — об арке забыла — кряк — дети оглядываются — мать без головы — в руке сандвич — нечем есть — глава семьи обезглавлена — ужасно, ужасно! — Рассматриваете Уайтхолл*, сэ? Прекрасное место — маленькое окно — там тоже кое-кому голову сняли — а, сэ? — он тоже зазевался — а, сэ? а?

— Я размышлял, — сказал мистер Пиквик, — о странной превратности человеческой судьбы.

— О! Понимаю! Сегодняходишь во дворец через дверь, завтра вылетаешь в окно. Сэр — философ?

— Наблюдатель человеческой природы, сэ, — ответил мистер Пиквик.

— Ну? Я — тоже. Как и большинство людей, у которых мало дела и еще меньше дохода. Сэр — поэт?

— У моего друга мистера Снодграсса большая склонность к поэзии, — ответил мистер Пиквик.

— Как и у меня, — сказал незнакомец. — Эпическая поэма — десять тысяч строк — июльская революция — сочинил на месте происшествия — Марс днем, Аполлон ночью — грохот орудий, бряцание лиры...

— Вы были свидетелем этого замечательного события, сэ? — спросил мистер Снодграсс.

— Свидетелем? Еще бы — заряжаю мушкет — заряжаюсь идеей — бросился в винный погребок — записал — назад — бац! бац! — новая идея — снова в погребок — перо и чернила — снова назад — режь, руби — славное время, сэ.

Он неожиданно повернулся к мистеру Уинклю:

— Спортсмен, сэ?

— Немного, сэ, — ответил этот джентльмен.

— Прекрасное занятие, сэ — превосходное занятие — собаки, сэ?

— Сейчас нет.

— Что вы! Займитесь собаками — прекрасные животные — умные твари — был у меня пес — пойнтер — удивительное чутье — однажды вышли на охоту — огороженное место — свистнул — собака ни с места — снова свистнул — Понто! — ни с места: как вкопанная — зову —

Понто! Понто! — не двигается — собака приросла к месту — уставилась на забор — взглянул и я — вижу объявление: «Сторожу приказано убивать собак, проникших за эту ограду» — не пошла — изумительный пес, редкий был пес — весьма!

— Факт исключительный! — заметил мистер Пиквик. — Позвольте записать.

— Пожалуйста, сэ, сколько угодно. Сотни рассказов об этой собачке. — Хорошенькая девочка, сэ? — Сие относилось к мистеру Треси Тапмену, расточавшему отнюдь не пиквикистские взгляды юной леди, стоявшей у дороги.

— Очень! — согласился мистер Тапмен.

— Ну, англичанки не так хороши, как испанки — прелестные создания — волосы — черные как смоль — глаза черные — стройные фигуры — чудные создания — красавицы!

— Вы были в Испании, сэ? — спросил мистер Тапмен.

— Жил там целую вечность.

— Много одержали побед, сэ? — допытывался мистер Тапмен.

— Побед? Тысячи! — Дон Болеро Фицгиг — гранд — единственная дочь — донна Христина — прелестное создание — любила меня до безумия — ревнивый отец — великодушная дочь — красивый англичанин — донна Христина в отчаянии — синильная кислота — у меня в чемодане желудочный зонд — сделали промывание — старик Болеро Фицгиг в восторге — соглашается на наш союз — руки соединены и море слез — и романтическая история — весьма!

— Эта леди теперь в Англии, сэ? — полюбопытствовал мистер Тапмен, на которого описание ее прелестей произвело сильнейшее впечатление.

— Умерла, сэ, умерла, — сказал незнакомец, прикладывая к глазу остаток древнего батистового платочка, — не могла оправиться после промывания — слабый организм — пала жертвой.

— А отец? — задал вопрос поэтический мистер Снодграсс.

— Угрызения совести и отчаяние — внезапное исчезновение — город только об этом и говорит — ищут повсюду — безуспешно — вдруг перестал бить фонтан на главной площади — недели идут — засорился — рабочие начинают чистить — вода выкачана — нашли тестя — застрял головой вперед в трубе — полная исповедь в правом сапоге — вытащили, и фонтан забил по-прежнему.

— Вы позволите мне записать эту романтическую историю, сэ? — спросил потрясенный мистер Снодграсс.

— Сколько угодно, сэ, сколько угодно, еще пятьдесят таких, если они вам по вкусу — необыкновенная у меня жизнь — любопытная биография — ничего исключительного, но все же необычно.